
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Л. Е. Гринин

Статья посвящена анализу одного из очень важных, но недостаточно исследованных аспектов процесса глобализации – добровольному сокращению суверенных прерогатив современных государств, которое наблюдается уже в течение нескольких десятилетий. Автор показывает, что глобализация в целом способствует изменению и сокращению номенклатуры и объема суверенных полномочий государств, и при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы, объективно уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение.

Предварительные замечания

Вопросы национального суверенитета в политической науке со времен Жана Бодена всегда занимали значимое место. Но в конце XX и начале XXI вв. в этой области появились новые аспекты, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации и нового мирового порядка. Все активнее стала обсуждаться тема изменения, «размывания», «исчезновения» и т. п. национального суверенитета¹. Однако при немалом количестве работ, посвященных проблеме трансформации суверенитета, отдельные и крайне важные аспекты этой проблемы оказались обойденными вниманием. Анализу одного из таких недостаточно исследованных аспектов – добровольному сокращению суверенных прерогатив – посвящена данная статья.

В настоящей статье мы стремились доказать, что глобализация в целом способствует изменению и сокращению номенклатуры и объема суверенных полномочий государств, и при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы, объективно уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение. Разумеется, можно говорить и еще о целом ряде важных направлений, тенденций и процессов, которые составляют многообразную, сложную и во многом противоречивую динамику мировых политических процессов, в результате чего, в частности, происходит

¹ Содержательный обзор таких работ до 2001 г. можно найти в следующей публикации: International Commission on Intervention and State Sovereignty. The Responsibility to Protect: Research, Bibliography, Background. Supplementary volume to the report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. December 2001. – Ottawa. (The substantive review of such works till 2001 can be found in the following publication International Commission on Intervention and State Sovereignty. The Responsibility to Protect: Research, Bibliography, Background. Supplementary volume to the report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. December 2001. – Ottawa.)

не только ограничение суверенитета, но в чем-то и заметное его укрепление. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. Но естественно, что в одной статье невозможно дать полную картину всех процессов, поэтому наша главная задача – исследовать тенденцию на изменение и сокращение суверенных прерогатив, особенно в связи с добровольными акциями обладателей этих суверенных прерогатив.

По нашему мнению, процессы изменения суверенитета в современную эпоху являются одними из самых значимых. Причем представляется, что если такие процессы (конечно, с большими колебаниями) будут усиливаться, это должно существенно повлиять на все сферы жизни, включая изменение идеологии и общественной психологии (момент, который пока еще недооценивается многими аналитиками).

О понятии суверенитета

Суверенитет в политической науке обычно определяется как важнейший признак государства в виде его полной самостоятельности в рамках определенной территории, то есть его верховенства во внутренней политике, а также в виде его независимости во внешней политике. Это понятие стало широко распространенным в XIX в. Однако еще в начале нового времени оно получает достаточно четкое толкование в трудах Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Т. Гоббса и других.

В системе международных отношений, получившей название Вестфальской, так как она возникла после разорительной 30-летней европейской войны и Вестфальского мира 1648 г., принципы суверенности государств постепенно получили всеевропейское, а затем всемирное признание. Но важно заметить, что эта «нормативная траектория» международного права была полностью описана лишь к концу XVIII – началу XIX вв. в результате осмысления результатов Великой французской революции, наполеоновских войн и нового порядка, установившегося после Венского конгресса 1815 г. Ныне в Уставе ООН и в некоторых других международных соглашениях имеются положения о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение, что наряду с повышением степени внешней безопасности большинства стран, по нашему мнению, существенно способствовало упрочению идеи национального суверенитета в международных отношениях во второй половине XX в. Правда, как мы увидим далее, тенденция на признание суверенных прав сочеталась с тенденцией на их добровольное сокращение самими же суверенами.

Однако понятие суверенитета является весьма сложным и неоднозначным², а его содержание постоянно менялось и продолжает меняться в связи с изменением международных отношений, характеристик самих государств, даже сложностью определения понятия государства. Это содержание также менялось в зависимости от того, кто выступал высшим сувереном: феодальный монарх, имеющий «право дарить или расчленять государства при дележе наследства», просвещенный абсолютный монарх, который уже выступал от имени народа, или сама нация. Кроме того, абсолютный в теории суверенитет, как государств, так и наций, всегда сильно, а то и фатально ограничивался разными факторами (и аналитики отмечали этот момент задолго до того, как началось исследование процессов глобализации). Суверенитет можно рассматривать в разных аспектах и версиях³.

² См., например: Stankiewicz, W. J. *The Validity of Sovereignty // In Defense of Sovereignty*. – London; Toronto, 1969. – P. 291.

³ См., например: Ильин, М. В. *Собирание и разделение суверенитета // Полис*. – 1993. – № 5. (See, for example: Ilyin, M. V. *Collecting and dividing sovereignty // Polis*. – 1993. – No. 5).

Словом, понятие суверенитета не является однозначным и бесспорным, а вызывает большие споры и потому требует значительного уточнения, в том числе в связи с разными подходами к классификации самих государств, обладающих суверенитетом. Так, например, Э. Гидденс различает государства-нации и нации-государства как соответственно типологически более ранние и более поздние. Существует и целый ряд иных теорий, например так называемых квазигосударств.

В политической науке постепенно осознается, что необходимы переосмысление и переоценка понятия «суверенитет» в связи с возникновением мирового политического сообщества, уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии, с учетом действий различных иных субъектов: ТНК, многочисленных негосударственных организаций, многонациональных структур и мероприятий, а также развития различных глобальных идеологий, например глобального гражданского общества. Можно согласиться с выводом Гарри Гелбера: последние десятилетия XX в. показали, что национальное государство уже не справляется с нарастающей сложностью проблем, имеющих глобальный характер⁴. Особенно много работ по переосмыслению различных аспектов концепции суверенитета появилось в 90-е гг. XX в. под влиянием событий, связанных с прямым вмешательством и военной интервенцией (в том числе и санкционированной ООН) в отношении отдельных стран, таких как Ирак, Сомали, Гаити, Босния и др.

Глобализация: баланс плюсов и минусов

Общепринятого определения глобализации нет и, вероятно, в ближайшее время не появится, поскольку в это понятие вкладывается самое разнообразное значение. Без претензии на однозначную дефиницию мы определили бы ее так. **Глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов.**

Иными словами, возникает своеобразная система, при которой проблемы отдельных стран, наций, регионов и иных субъектов (корпораций, различных объединений, глобальных медиа-холдингов и т. п.) соединяются в единый клубок. Отдельные локальные явления и конфликты задевают множество стран. В то же время решения в наиболее значимых центрах мира отражаются на судьбах всех. В целом «процессы глобализации в самом широком смысле характеризуются резким усилением и усложнением взаимных связей в основных областях экономической, политической и общественной жизни, приобретающих планетарные масштабы»⁵. Глобализация – исключительно разноплановый процесс. Практически все области жизни испытывают на себе эти воздействия. Многие как позитивные, так и негативные явления также приобретают глобальный характер – например, борьба за охрану окружающей среды, само движение антиглобализма, терроризм и преступность, наркомафия и т. п.

Любой прогресс всегда означает, что определенная часть изменений в чем-то ухудшает ситуацию по сравнению с тем, что было раньше. На наш взгляд, и сокращение объема суверенных прерогатив ведет одновременно к позитивным и

⁴ Gelber, H. G. *Sovereignty through Interdependence*. – London; The Hague; Boston, 1997. – P. 12.

⁵ Иванов, Н. П. Человеческий капитал и глобализация // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. – № 9. – С. 19. (Ivanov, N. P. *Human capital and globalization* // *World Economy and International Relations*. – 2004. – No. 9. – P. 19).

негативным последствиям. Так, бóльшая, чем раньше, открытость границ не только обеспечивает рост торговли, но и способствует распространению терроризма и облегчает наркотрафик. При этом баланс плюсов и минусов выглядит по-разному для разных стран, регионов, территорий и даже для разных слоев общества. Отсюда такое неоднозначное восприятие глобализации. Недаром ее критики указывают на неравномерность в получении выгод от нее и на увеличивающийся разрыв в уровне жизни разных стран⁶. Важно также отметить, что, создавая контуры нового порядка, глобализация одновременно ломает старый, работающий в рамках государственных систем порядок, причем скорость слома старых отношений часто сильно опережает темпы возведения новых. В частности, в ряде стран это очень наглядно проявляется в сломе традиционной идеологии, основанной на сакрализации родины и нации, и, соответственно, ослаблении таких прежде высоко ценимых качеств, как патриотизм, за счет роста альтернативных национальным предпочтений и идентификаций. Но взамен глобализация пока не создала никакой оформленной и способной увлечь массы идеологии.

Глобализация, экономика и мировая политика

Глобализация – это результат очень сложного сплава политических, социальных, экономических, цивилизационных и многих других процессов современного мира. Но среди этих многочисленных факторов стоит особо выделить огромные изменения в современных производительных силах, средствах информации, мировой торговле и специализации. Характерно, что многие исследователи в первую очередь указывают на экономический характер глобализации. Но необходимо иметь в виду важную и принципиальную идею, которая уже высказывалась нами: признать, что экономические и технические изменения – мотор глобализации, значит признать, что процесс глобализации не может быть остановлен или повернут вспять никем, поскольку сегодня развитие новых технологий невозможно ни остановить, ни даже затормозить. Поэтому чтобы контролировать процесс глобализации – а подобные призывы, а также сетования на ее хаотический и несправедливый характер весьма заметны, – нужно, в первую очередь, контролировать направления и темпы экономического и технического развития, что на сегодня выглядит утопией⁷.

Технология и торговля опутывают мир новыми сетевыми связями и делают национальные границы прозрачными. Вместе с другими факторами это резко усложняет внешние по отношению к обществу условия⁸. А в результате глобализация сильно уменьшает и изменяет объем национального суверенитета и подрывает

⁶ Правда, это весьма неоднозначный вывод, поскольку в одних случаях, например в отношении многих африканских стран, разрыв может увеличиваться, и в то же время у других стран второго и третьего мира наблюдаются более высокие, чем среднемировые, темпы экономического роста. Это касается, в частности, некоторых стран Азии, Восточной Европы и СНГ. (However, it is very ambiguous conclusion as in some cases for example concerning many African countries gap can increase and at the same time higher economic growth rates are observed in other countries of the second and third world in comparison with the world average. It concerns in particular some countries of Asia, Eastern Europe and the CIS).

⁷ Однако определенные барьеры на пути этого прогресса в виде различных регламентаций и квот в дальнейшем, возможно, и появятся (см. подробнее: Гринин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6–31). (However certain barriers on the way of this progress like various regulations and quotas, will appear further perhaps (see in more detail: Grinin, L. E. Globalization and national sovereignty // History and modernity. – 2005. – No. 1. – Pp. 6–31).

⁸ Иванов, Н. П. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 3. – С. 14. (Ivanov, N. P. Globalization and problems of the optimal strategy of development // World Economy and International Relations. – 2000. – No. 3. – P. 14).

вает положение государства как главного субъекта международных отношений. Таким образом, изменения в производительных силах так или иначе ведут к изменению всех остальных областей жизни, включая и политическую сферу⁹.

Отсюда следует важный вывод, на который мы уже указывали в других работах¹⁰: если неизбежным итогом глобализации является сокращение суверенитета, то вместе с этим также неизбежно назревают колоссальные перемены в моделях поведения как государств, корпораций и групп, так и масс обычных людей. И если о судьбах государства (умирает оно или укрепляется?) споры нередки, то данное следствие обсуждается реже.

В других работах мы уже обосновывали как сам факт, так и причины того, что перед современными техническими и экономическими силами национальные границы стали гораздо менее серьезным, чем ранее, рубежом. Этому способствуют многие факторы, в частности, мощное развитие торговли, транспорта, роли международного капитала, ТНК и т. п. Стоит иметь в виду также, что «в глобализирующемся мире взаимодействуют не только государства, но все больше территории и регионы»¹¹. Нами было отмечено, что наиболее быстро растущие области производства по природе своей как раз наднациональны. В качестве примеров стоит упомянуть космические технологии или Интернет, который все более активно используется в коммерческих целях. Образно говоря, современный человек приобретает функции мини-станции, принимающей и передающей разнообразную информацию, часто при этом минова национальные границы.

Тесная связь национальных экономик между собой ведет к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это подтвердили финансовые кризисы в разных странах недавнего времени. Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны по своей природе – таков вывод Джорджа Сороса. Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования, каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков.

Таким образом, требуется новый мировой порядок. Однако кто будет определять его основные контуры и правила? Глобализация, с легкой руки американских политологов, порой предстает в некоторых работах как процесс навязывания воли США остальному миру, установления нового мирового порядка, выгодного США. Действительно, влияние США очевидно и очень реально¹². Но означает ли это, что

⁹ См.: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // *Философия и общество*. – 1999. – № 4. – С. 5–44. (See: Grinin, L. E. Modern productive forces and problems of national sovereignty // *Philosophy and Society*. – 1999. – No. 4. – Pp. 5–44).

¹⁰ См., например: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. – М., 2007. (See, for example: Grinin, L. E. State and historical process: Political cut of historical process. – Moscow, 2007).

¹¹ Гребенщиков, Э. С. Тихоокеанская Россия и Япония: регионализация отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. – № 1. – С. 89. (Grebenshchikov, E. S. Pacific Russia and Japan: regionalization of relations // *World Economy and International Relations*. – 2004. – No. 1. – P. 89).

¹² В том числе и в культурном плане. Можно согласиться с Питером Бергером, что в настоящее время «самыми главными “глобализаторами” являются американцы» (Бергер, П. Л. Культурная динамика глобализации // *Многоликая глобализация* / под ред. П. Л. Бергера, С. П. Хантингтона. – М., 2004. – С. 9). (Including cultural context. It is possible to agree with Peter Berger that now the “main ‘globalisers’ are Americans” (Berger, P. L. Cultural dynamics of globalization // *Many globalizations* / ed. by P. L. Berger, S. P. Huntington. – Moscow, 2004. – P. 9).

непрерывно должен установиться именно *Pax Americana* (то есть *американский мир*), как искренне верят многие в США?

Конечно, это возможно. Однако реально ли постоянно поддерживать такой порядок? Представляется, что это достаточно сомнительно. Думается, более вероятно, что в не слишком уж далеком будущем расклад сил в мире изменится¹³. Ведь наличие каких-то тенденций не означает, что будущее уже предначертано. Напротив, направление, формы и результаты процессов будут постоянно зависеть от меняющегося баланса сил в мире, от стратегии, которую выберут те или иные страны и объединения, от различных геополитических факторов и комбинаций. По нашему мнению, это означает, что те, кто стремится играть более важную роль в интегрирующемся и меняющемся мире, должны прогнозировать и предугадывать тенденции, используя их в собственных целях. Несомненно, и Россия сможет сыграть важную роль в новом мировом порядке, если правильно выберет стратегию. Поэтому нужно не горевать о том, что идет глобализация по-американски, а найти собственное место в глобальных процессах, не теряя своих особенностей, в частности, используя общие культурно-языковые традиции на просторах СНГ, а также естественные геополитические и ресурсные преимущества России (что, к слову сказать, в последние два-три года уже стало заметно проявляться в экономической стратегии России).

Глобализация и сокращение суверенитета

Как уже сказано выше, на практике суверенные права и полномочия как государств, так и наций всегда сильно ограничивались разными факторами. Тем не менее, хотя бы в головах теоретиков «Вестфальский суверенитет» (то есть неограниченные суверенные права) все же существовал. В современную эпоху становится все яснее, что Вестфальская система с ее принципами международных отношений существенно изменилась. Также важно указать, что сегодня представление о полной свободе действий государств даже чисто теоретически выглядит неверным. Дело в том, что объем внутреннего суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей, в том числе в вопросах прав человека и еще больше – фактически в связи с уже сложившимися моделями и традициями поведения государств. Вот почему немало политологов считают, что совершенно необходимо уточнение или пересмотр понятия суверенитета¹⁴.

В работах, посвященных трансформации положения и роли государства в современном мире, часто, как верно замечает Майкл Мэнн, идет однобокий спор на тему усиливается ли государственная система или ослабевает, между тем как процесс представляется весьма сложным и неоднозначным, в чем-то эти позиции ослабляются, но в чем-то усиливаются¹⁵. Так, Сюзан Стрэнг, настаивающая на том,

¹³ Даже Збигнев Бжезинский начинает выражать сомнения в результативности современной политики США и призывает несколько переосмыслить или точнее переформулировать внешнеполитические цели и идеологию Америки, считая, что «она должна определять свою безопасность в таких категориях, которые отвечали бы интересам других» (см.: Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2005. – С. 284). (Even Zbigniew Brzezinski begins to express doubts in efficiency of the USA modern policy and urges to reconsider or more precisely reformulate the foreign policy purposes and ideology of America, considering that 'she has to define security in such categories which would meet the interests of others' (see: Brzezinski, Z. The choice. Global domination or global leadership. – Moscow, 2005. – P. 284).

¹⁴ См., например: Thomson, J. E. State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap between Theory and Empirical Research // *International Studies Quarterly*. – 1995. – № 39(2). – P. 213–233.

¹⁵ Mann, M. Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation-State? // *Review of International Political Economy*. – 1997. – № 4(3). – P. 472–496.

что под влиянием мощных экономических процессов власть государства ослабевает, в то же время с удивлением отмечает, что государство стало регулировать проблемы, которые раньше решали сами люди, в частности, как строить собственный дом, как устраивать семейные отношения, так что, по ее словам, почти нет сферы, в которую бы не вмешивалась государственная бюрократия¹⁶. Она называет это парадоксом, хотя это вполне естественные наложения, поскольку типологически подобные процессы никогда не идут однолинейно и только в одном направлении. Общий вектор – это всегда сложный баланс разнонаправленных изменений, причем ослабление системы обычно сочетается с усилением некоторых ее сторон, хотя бы за счет переструктуризации ее компонентов и изменения уровней иерархии.

В связи с вышесказанным хотелось бы обратить внимание на определенную ограниченность подходов в исследованиях суверенитета, поскольку многие авторы рассматривают вопрос в той только плоскости, что мощные мировые экономические наднациональные и во многом анонимные силы влияют на трансформацию национального суверенитета, в целом меняя его помимо и как бы вопреки воле самих государств. В то же время почти не замечается иной аспект проблемы (либо ему не придается должного значения), который нам как раз представляется исключительно важным: суверенитет в большой (возможно, преобладающей) степени сокращается *добровольно самими национальными государствами*. Эти аспекты обозначались и исследовались нами в ряде работ.

Отказ от суверенных прерогатив: парадокс или глобальная тенденция?

По нашему мнению, имеется целый ряд факторов, которые влияют на процесс изменения национального суверенитета, в числе которых находятся, конечно, технологические и экономические изменения, стремление избежать войн, наличие глобальных проблем, объединяющих страны, процессы регионального сближения, стремительное увеличение объема контактов всякого рода и уровня между резидентами разных стран; необходимость совместно решать множество вопросов и урегулировать споры; рост числа демократических режимов в мире и т. д.¹⁷

Но мы считаем, что фактор добровольности в сокращении объема полномочий ради приобретения дополнительных престижа и выгод среди них является одним из самых важных, мало того, именно он определяет, по нашему мнению, необратимость этого движения. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на идущий с послевоенного времени важнейший процесс, в результате которого многие страны начинают добровольно ограничивать себя в, казалось бы, наиболее суве-

¹⁶ Strange, S. The Declining Authority of States. The Global Transformation Reader. An Introduction to the Globalization Debate / Ed. by D. Held, and A. McGrew. – Cambridge, 2003. – P. 128.

¹⁷ Список угроз государственной суверенности часто включает: глобальные финансовые потоки, многонациональные корпорации, глобальные медиаимперии, Интернет и т. п. Глобалисты утверждают, что государственная власть сильно ослабляется этими процессами, которые ведут к проницаемости границ, – суммируют такие взгляды Дэвид Хелд и Антони Макгру (Held, D. and McGrew, A. Political Power and Civil Society: A Reconfiguration? // The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate / Ed. by D. Held, and A. McGrew. – Cambridge, 2003. – P. 124). (The list of the threats of state sovereignty often includes: global financial flows, multinational corporations, global media empires, the Internet, etc. Globalists claim that government is strongly weakened by these processes which lead to permeability of borders. David Held and to Anthony McGrew summarize such points of view (Held, D. and McGrew, A. Political Power and Civil Society: A Reconfiguration? // The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate / ed. by D. Held, and A. McGrew. – Cambridge, 2003. – P. 124).

ренных вещах¹⁸.

Достаточно бросить даже беглый взгляд на те области, в которых сократился суверенитет, чтобы согласиться со сказанным. Право устанавливать пошлины и налоги и определять их размеры; запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров (капиталов) и какие-то виды деятельности; печатать деньги; брать займы; устанавливать правила содержания заключенных и применения их труда; использовать смертную казнь; провозглашать те или иные политические свободы или ограничивать их; фундаментальные правила выборов (и само их проведение) и избирательных цензов, а также еще масса других важных явлений перестали определяться только желаниями самого государства. Не так давно европейцы отказались от святая святых – собственных, многими веками выстраданных национальных валют ради одной общей (евро). В конце концов, то, что всегда признавалось главным в суверенитете: право войны и мира – под международным контролем. А ведь еще 50 лет назад в своем знаменитом Манифесте Б. Рассел и А. Эйнштейн писали: «Искоренение войн потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ущемлять чувство национальной гордости»¹⁹. Сегодня такой контроль уже почти не ущемляет национальную гордость. Мировые войны и тоталитаризм показали, что абсолютный суверенитет, включающий в себя в том числе право на развязывание войн и репрессий, опасен.

Из этих вполне очевидных вещей нами был сделан важный вывод: **внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальным правом и обычаями, сужаются, причем во многом путем добровольного отказа суверенов от своих суверенных прав, а международное или определенное сообщества (коллективного участия) право расширяется**²⁰.

Без сомнения, в истории можно найти много случаев добровольных обязательств и договоров, которые значительно ограничивали суверенитет государей и стран. Взять хотя бы Священный союз и его интервенции в революционные стра-

¹⁸ См. подробнее: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы...; Grinin, L. Globalization and the Transformation of National Sovereignty // Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment / Ed. by J. Sheffield and K. Fielden. – Goodyear, 2007. (For more details see: Grinin, L. E. Modern productive forces...; Grinin, L. Globalization and the Transformation of National Sovereignty // Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment / ed. by J. Sheffield and K. Fielden. – Goodyear, 2007.)

¹⁹ См.: Адамович, А., Шахназаров, Г. Новое мышление и инерция прогресса // Дружба народов. – 1988. – № 6. – С. 185. (See: Adamovich, A., Shakhnazarov, G. New thinking and the inertia of progress // Friendship of the people. – 1988. – No. 6. – P. 185.)

²⁰ Разумеется, это связано также с воздействием, иногда довольно жестким, на страны-нарушители международных правил и договоренностей, таких как, например, Ливия, а также попытками прямого вмешательства в дела тех стран, которые оказывались не в состоянии решить внутренние конфликты или обуздать вышедшие из-под контроля политические силы (как, например, в отношении Югославии, Израиля и Палестины, ряда стран Африки и Латинской Америки). Естественно, такие действия международного сообщества или отдельных стран и блоков (США, НАТО) также сильно влияют на изменение суверенитета и создают прецеденты на будущее. Но все же можно утверждать, что именно преобладающая добровольность в сокращении суверенитета существенно способствует формированию терпимого к такому вмешательству или даже одобрительного мирового общественного мнения (всего или большей его части), без которого никакое вмешательство не может быть успешным, а часто даже и реальным. (Certainly, it is also connected with the influence, sometimes quite strong, on the countries violators of the international rules and arrangements, such as, for example, Libya, and also attempts of direct intervention in affairs of those countries which could not solve the internal conflicts or restrain the political forces which have got out of control (as, for example, concerning Yugoslavia, Israel and Palestine, a number of the countries of Africa and Latin America). Naturally, such actions of the international community or certain countries and blocks (the USA, NATO) have also large impact on the change of sovereignty and create precedents for the future. But nevertheless it is possible to claim that prevailing voluntariness in reduction of sovereignty promotes significantly formation of tolerant or even approving world public opinion to such intervention (all or most of its part) without which no intervention can be successful and often even real).

ны в первой половине XIX в. или Таможенный союз германских государств первой половины XIX в. Процессы интернационализации начались не сегодня, а идут уже века, все нарастая. Но, как нами уже отмечалось, распространенность и мощность этих процессов вчера и сегодня несопоставимы, иными словами, в настоящее время по сравнению с прошлыми эпохами они приобрели качественно иной уровень. Во-первых, они охватили весь мир. Во-вторых, экономические союзы прежде были редкостью, теперь стали наиболее типичной формой объединений. А некоторые экономические организации (вроде ВТО, МВФ) включают в себя большинство стран мира. Масштабы и цели политических союзов также изменились. В-третьих, колоссально выросли плотность и постоянство контактов между лидерами стран. И вопросы, которые они решают, также значительно изменились. В-четвертых, лишь немногие страны могут сегодня проводить изоляционистскую политику и не вступать ни в какие союзы (подобно политике «блестящей изоляции», которую проводила Великобритания в XIX в.).

Чтобы оттенить сказанное, мы хотели бы указать, как ни странно это звучит, что сегодня наибольший суверенитет (то есть наименьшие ограничения в использовании суверенных прав) имеют государства идеологически (Китай, Иран, Саудовская Аравия и некоторые другие мусульманские страны) и экономически закрытые (вроде Северной Кореи, Кубы), и именно по поводу их «суверенных прав» (в частности создавать ядерное оружие) и возникают острые конфликты. Но в целом даже у этих стран суверенитет начинает сокращаться. Что же касается достаточно открытых и развитых государств, то, по нашему мнению, тенденция к делегированию своих полномочий международным, региональным и мировым организациям и объединениям у них совершенно очевидна. Исключение составляют только США, которые позволяют себе порой идти вопреки мнению многих стран, открыто ставят национальные интересы выше мировых и союзнических. Но, как нам кажется, именно в таком противостоянии США и других стран, выражающих определенное коллективное мнение, возможно, и коренится в будущем основная интрига изменения мира, а также трансформация содержания принципов международных отношений.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что сегодня по сравнению с прошлым суверенитет совершенно свободных и самостоятельных стран стал намного меньше. И, что очень важно, многие государства отдают часть суверенных функций нередко действительно добровольно. Мы считаем, что подобный альтруизм можно всерьез объяснить только тем, что такое ограничение становится выгодным, поскольку взамен страны надеются получить вполне реальные преимущества. Естественно, что такой «обмен» стал в принципе возможным только в результате мощного влияния описанных (и многих не упомянутых, но подразумеваемых) процессов. В качестве важной причины сокращения суверенитета, на наш взгляд, следует указать своего рода мировое общественное мнение: ведь чем шире круг стран, сознательно ограничивающих свой суверенитет, тем более неполноценными кажутся государства, которые не делают таких ограничений.

Субнациональное, национальное, наднациональное: противоречивый клубок интересов

Как уже сказано, в политической науке в определенной мере осознается, что доктрина национального суверенитета устарела, мало того, эти вопросы затрагивались даже в выступлениях и статьях генеральных секретарей ООН Бутроса Бутроса-Гали и Кофи Аннана. Однако нам кажется, что многие исследователи (особенно в России) все еще недооценивают серьезность последствий изменения

суверенитета и необходимость переосмысления не только самого этого понятия в контексте современных процессов, но и множества других, с ним связанных. В то же время мы согласны, что государство в главном еще остается (и будет достаточно долго) высшей единицей исторической и политической жизни. Кроме того, разделение новых и старых явлений – всегда очень сложное дело, тем более что новый порядок содержит в себе очень сильные элементы старого.

Тем не менее, очевидно, что объем суверенных прав в современном мире сильно перераспределен, поэтому в интернациональном сообществе не существует более «единого и неделимого» государственного, народного или национального суверенитета. Суверенитет все чаще делится между наднациональными, национальными, субнациональными, а иногда региональными и муниципальными единицами. В результате, как было показано выше, появились новые мощные факторы, которые, в конечном счете, ведут к тому, что оно постепенно уступает место основному суверену более крупным, в том числе наднациональным, образованиям и структурам. И, по нашему мнению, эта тенденция будет нарастать. С другой стороны, хотелось бы непременно добавить, что это не односторонний и однозначный, а многогранный процесс: в чем-то суверенитет будет сокращаться (например, в вопросах экономической стратегии), но в чем-то закрепляться и даже расти. Так, например, Эгберт Ян считает, что этнически языковые, культурные и социальные функции государства будут увеличиваться²¹. Поэтому опасно слишком торопиться хоронить национальное государство, оно еще долго будет ведущим игроком (как и вообще следует быть достаточно осторожным в прогнозах глобальных политических изменений). Кроме того, как справедливо отмечают некоторые исследователи, резкое сокращение суверенитета и традиционных функций государства может породить хаос.

Хотя суверенитет и сужается, но, думается, что сам этот принцип (точнее, апелляция к нему в определенных случаях), вероятно, еще долго будет одним из важнейших в международных отношениях. Поэтому открытое неуважение к нему будет продолжать вызывать осуждение. Когда старые идеи еще живы, а новые не утвердились, столкновения могут принимать форму противоборства принципов, что скрывает их историческое содержание. Тогда трудно понять, кто прав, кто виноват. Например, если в отношении даже диктаторских режимов грубо и открыто попирает принцип суверенитета, опираясь на право сильного, симпатии могут оказаться на реакционной, по сути, стороне. Война в Ираке 2003 г. доказывает это. Поэтому-то в правовом и моральном плане желательны действительно безупречные аргументы, которые опирались бы на решения мировых организаций (в первую очередь ООН). Вот почему для поддержки действий против режимов-нарушителей так важны именно такого рода санкции.

Итак, как было показано выше, с послевоенного времени все яснее обнаруживается тенденция к постепенной передаче странами части своего суверенитета мировым международным организациям. Еще большая часть суверенитета переходит к региональным объединениям. А интеграция государств в надгосударственные экономические объединения становится все более важной частью глобализации. Такие наднациональные образования имеются уже на всех континентах, и в некоторых случаях наметилась трансформация экономических союзов в политические. Конечно, процесс создания действительно оформившихся, системно и глубоко

²¹ Ян, Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. – 1996. – № 1. – С. 49. (Yan, E. Democracy and nationalism: unity or contradiction? // Polis. – 1996. – No. 1. – P. 49).

интегрированных надгосударственных образований не может быть быстрым. Не будет он, по нашему мнению, и гладким уже потому, что входящие в него члены не могут игнорировать свои собственные интересы и не противопоставлять их друг другу. Да и внутри самих стран разные политические силы очень по-разному трактуют национальные цели. Словом, притирка над- и внутригосударственных интересов – тяжелый процесс, тут неизбежны разнообразные столкновения. Кроме того, и общие цели можно трактовать по-разному. Пример США, которые сумели стянуть в тугий узел чисто национальные узкополитические проблемы (вроде предстоящих выборов или необходимости поднять популярность президента) с мировыми интересами, в этом смысле очень показателен.

Глобализация и национализм

Глобализация, как показывают разные, в том числе и наши исследования²², в отношении национализма производит двойственный эффект. С одной стороны, наблюдается тенденция к уменьшению национального суверенитета, с другой – бурный рост национализма, стремление даже самых небольших народов обрести свой собственный суверенитет. Объяснение причин сепаратизма в современный период, к которому мы пришли, на первый взгляд может показаться парадоксальным: **национализм усиливается потому, что ослабевают государства как системы.**

Однако, как мы уже указывали, парадоксальности здесь нет, особенно с учетом того, что безопасность большинства государств обеспечивает фактически мировое сообщество в лице наиболее сильных государств. К тому же, нации – это не вечные сущности, а этнополитические общности, складывающиеся чаще всего именно в рамках государств и под влиянием технологических изменений. При определенных условиях их сплоченность и однородность усиливаются, а при других, напротив, ослабевают. Поэтому формирование надгосударственных систем в XX в. шло параллельно с разрушением не только колониальных империй, но и ряда старых и вновь возникших государств, особенно многонациональных, среди которых были даже, казалось бы, весьма устойчивые (СССР, а ранее, в начале процесса, Австро-Венгрия). И такой распад, как нам думается, выполняет в чем-то прогрессивную роль, облегчая региональную и мировую интеграцию. Но это очень болезненный и разрушительный прогресс, что подтверждает высказанные выше мысли о том, что прогресс и регресс идут всегда рука об руку. Весь вопрос в их балансе.

Таким образом, мы считаем, что, с одной стороны, мир ждут еще десятилетия, когда национальные проблемы будут стоять весьма остро в разных регионах и странах, поскольку причины националистических и сепаратистских конфликтов очень разнообразны. Но, с другой стороны, усиливается убеждение, что право наций на самоопределение превратилось в «опиум для народов». Расцветает, по меткому выражению Михаила Игнатьева, нарциссизм мелких различий между этносами, а укрепляющая этническая идеология, по мнению других исследователей, создает едва ли не главный ресурс для возрождения насилия сегодня. Вместе с этим, однако, хотя непоследовательно и с трудом, в мировом общественном мнении формируется негативное отношение к злоупотреблению этим правом. В результате, по нашему мнению, постепенно агрессивный национализм, раскалывающий государства и создающий угрозу мировому порядку, должен пойти на убыль. Речь ни в коем случае не идет о том, что нации и нацио-

²² Например: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы... (For example: Grinin, L. E. Modern productive forces ...)

нальные различия исчезнут. Нам представляется, что развитие пойдет в направлении, когда национальные вопросы, проблемы и отношения перейдут из сферы самой высокой политики и жарких схваток в более спокойную плоскость, примерно так, как это случилось с взаимоотношениями между различными направлениями христианства в большинстве стран Европы.

Заглядывая в будущее

Размышляя над процессами интеграции, неизбежно задаешься вопросом: удастся ли хоть как-то, и если да, то каким образом, примирить разнообразные интересы сотен государств, имеющих не только разную культуру, но и очень большой разрыв в уровне развития? Ведь ускорение темпов развития мира и ограниченность времени для решения глобальных и иных проблем не позволяют ждать, пока отстающие страны найдут свой собственный путь развития, поскольку такой поиск в некоторых случаях может продолжаться целые столетия. Мнение, что обеспечить продвижение к преодолению отсталости можно только при создании эффективного рынка и эффективного государства, конечно, имеет резоны. Ну, а если институт государства слаб, как в Тропической Африке и некоторых других местах? И что делать, если государство, напротив, настолько сильно, что способно не допустить объективно необходимых изменений (как в Северной Корее или на Кубе)? И как быть со странами, население и даже элита которых не в состоянии понять общемировых проблем?

Следовательно, на наш взгляд, проблема переходит уже на надгосударственный уровень и связана с трансформацией суверенитета и с внешним влиянием на те страны, внутри которых нет сил для самостоятельных изменений. Но мы убеждены, что, каким бы мягким ни было такое влияние извне, оно так или иначе скажется на суверенитете. Его ограничение, по нашему мнению, имеет два уровня. С одной стороны, сами развивающиеся страны готовы объединяться в региональные сообщества, чтобы вместе отстаивать свои интересы и решать проблемы. С другой – они связаны с глобальным противостоянием между развитыми и развивающимися странами (проблема Север – Юг).

Вот пример изменений на первом уровне. Региональные организации в Африке, Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Латинской Америке после Ирака приняли новую, более жесткую политику в отношении терроризма и использования оружия массового уничтожения. Но решать эти проблемы они хотят собственными средствами, на собственной территории и с помощью независимых миротворческих структур, которые они сами и развивают. Но они в то же время начали искать средства минимизировать риск насильственного американского вторжения, а также использования США тактики «разделяй и властвуй» против членов региона²³.

На втором уровне все более активен диалог между объединениями стран (например ЕС и группами африканских стран). Но самое главное, что есть важные причины, которые, как мы думаем, в среднесрочной перспективе могут заставить развитые государства более активно форсировать развитие наиболее отсталых стран мира.

В первую очередь речь идет о глобальных проблемах. Они затрагивают все мировое сообщество, поэтому интерес Запада к их решению в отсталых странах

²³ Бейлс, А. Дж. К. Уроки Иракского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 75. (Bayles, A. J. K. The lessons of the Iraq crisis // World Economy and International Relations. – 2004. – No. 9. – P. 75).

неизбежно будет расти. А последним, думается, в свою очередь, так или иначе, придется ограничить суверенитет, чтобы подстроиться под общие правила. Например, мы рискнули бы предположить, что поскольку демографическая и экологическая проблемы тесно связаны между собой, возможно, регулирование численности населения постепенно станет не только национальным, но и общим делом. Ведь чтобы решить многие общие проблемы, необходимо осознать, что развитие не может идти все время вширь, что требуется сознательное ограничение в потреблении, а также механизмы, способные заставить большинство стран принять такие ограничения. По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (*limit*): роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, вооружения и т. д. Нам представляется также вполне вероятным, что в будущем начнется и квотирование темпов роста экономики, поскольку без этого невозможно реально достигнуть иных ограничений.

Глобализация, хотя и началась далеко не сегодня, – в целом новый, неизведанный, сложнейший и во многом непредсказуемый процесс. При этом все же не стоит преувеличивать и без того большую роль экономики в трансформации государства. Экономика выступает ведущим в этом плане фактором только в конечном счете. Для коренного же изменения суверенитета, мы считаем, нужны еще очень серьезные перемены в других сферах общества, подобно тому, как для формирования буржуазного общества было мало изменений в экономике, но потребовались также и политические революции²⁴. Поэтому, по нашему мнению, на длительный период самой главной останется проблема совмещения национальных и наднациональных, групповых и мировых интересов. Только какое-то институциональное решение этой гигантской проблемы, в конце концов, и установит более или менее стабильный новый мировой порядок. Но не тот порядок, о котором так уверенно говорят в США и НАТО, а, будем надеяться, систему более взвешенного учета интересов разных регионов и стран. Однако путь к такому порядку неясен, сложен и противоречив. Для этого, естественно, необходимо время, в течение которого должен произойти коренной переворот в мировоззрении элит и народов, в результате которого национальные проблемы начнут сначала рассматривать через призму общих, а затем уже и в контексте общих (региональных и мировых) задач и проблем.

²⁴ Подробнее см.: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы...; Он же. Глобализация и национальный суверенитет... (For more details see: Grinin, L. E. Modern productive forces ...; Idem. Globalization and national sovereignty).